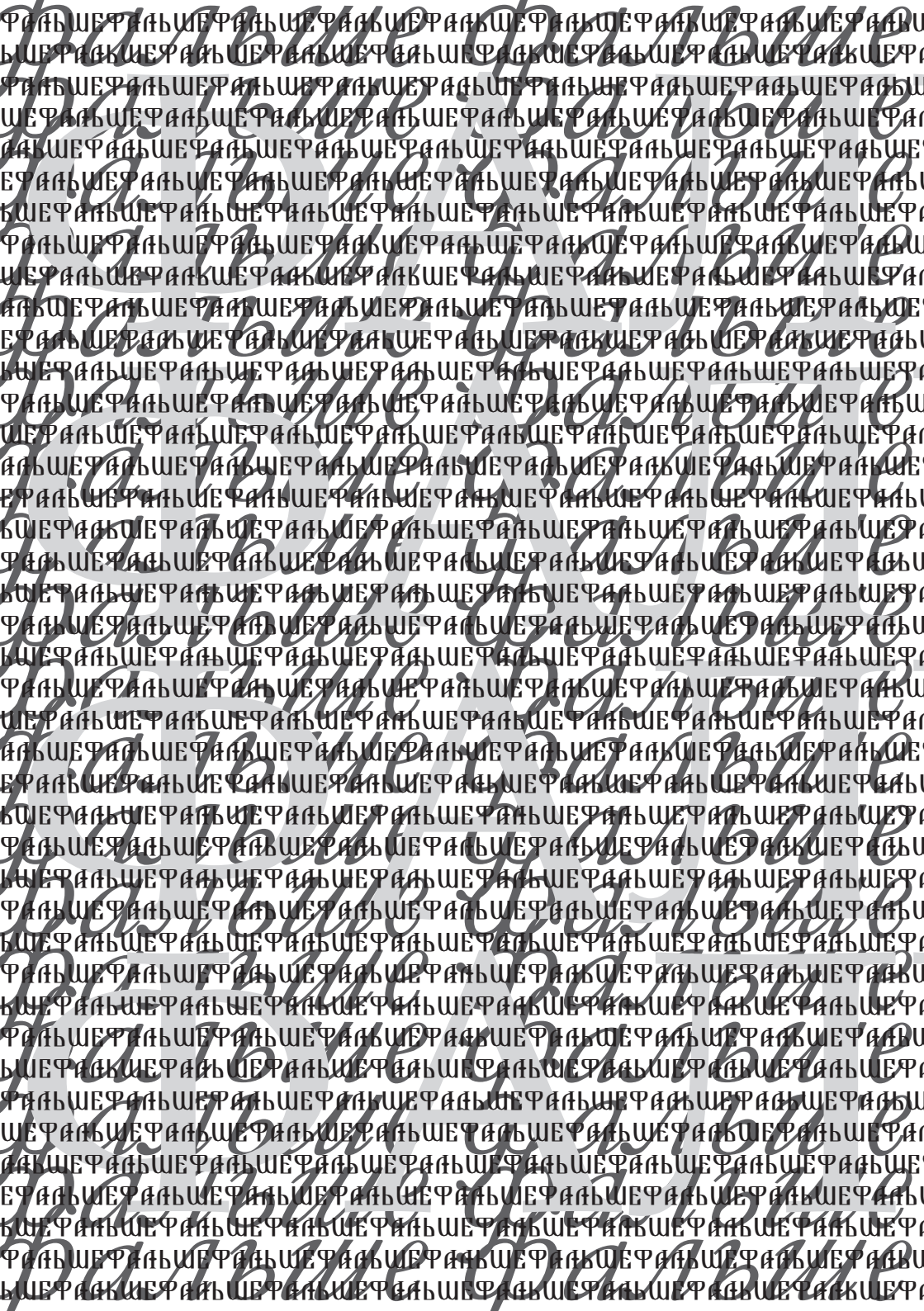

ЖИТЬ ДОВЕ

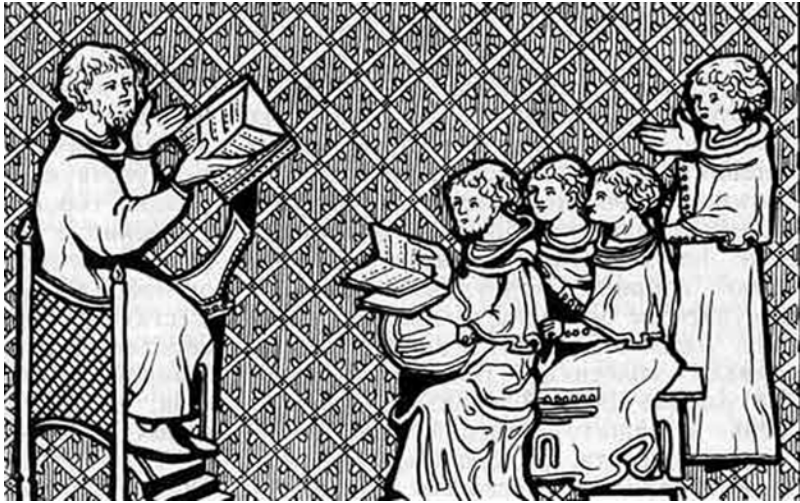
ЧТО ТАКОЕ КОММУНИЗМ

ЖИТЬ ДОВЕ
ЧТО ТАКОЕ КОММУНИЗМ

falshe publishers

Коммунизм — это не программа для осуществления или принуждения других к ее осуществлению, это социальное движение. Те, кто разрабатывают и отстаивают теоретический коммунизм, не обладают преимуществами перед другими, кроме более ясного понимания и более строгого выражения. Так же, как и все другие люди, которые не интересуются теорией, они чувствуют практическую потребность в коммунизме. У них нет никаких привилегий; они не являются носителями знания, которое приведет в движение революцию; но, с другой стороны, они не боятся стать “лидерами”, объясняя свои позиции. Коммунистическая революция, как и любая другая, является продуктом реальных потребностей и условий жизни. Наша задача состоит в том, чтобы пролить свет на существующее историческое движение.

Коммунизм — это не идеал, который следует реализовать; он уже существует, но не как общество, а как усилие, как задача, к которой нужно готовиться. Это движение, которое пытается упразднить условия жизни, определяемые наемным трудом, и оно упразднит

их путем революции. Дискуссия о коммунизме - не академическая дискуссия. Это не спор о том, что следует сделать завтра. Это интегральная часть целой серии непосредственных и долгосрочных задач, среди которых дискуссия - это лишь один из аспектов, это попытка достичь теоретического понимания. С другой стороны, задачи будет легче и эффективнее выполнять, если ответить на вопрос: куда мы движемся?

Нам незачем доказывать несостоятельность компартии, разнообразных социалистов, леворадикалов и т. п., чьи программы просто модернизируют и демократизируют все существующие характеристики современного мира. Дело не в том, что эти программы не являются коммунистическими, а в том, что они являются капиталистическими.

Объяснения, изложенные в данном тексте, происходят не из желания объяснить. Их бы не существовало в данной форме и какое-то количество людей не собралось бы для того, чтобы разработать и опубликовать их, если бы противоречия и практическая социальная борьба, раздирающие современное общество, не продемонстрировали формирование нового общества в чреве старого.

Я. НАЕМНЫЙ ТРУД КАК СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Если взглянуть на современное общество, становится ясно, что для того, чтобы жить, большая часть человечества вынуждена продавать свою рабочую силу. Все физические и интеллектуальные способности, которые есть у людей, у каждой личности, должны быть приведены в движение для производства полезных вещей. Но использовать их можно только в обмен на зарплату. Рабочая сила является товаром, таким же, как все остальные. Существование обмена и наемного труда представляется нам нормальным, неизбежным. И все же, для внедрения наемного труда понадобилось насилие, сопровождавшееся социальными конфликтами. Отделение работника от средств производства, которое сегодня кажется само собой разумеющимся, на самом деле является результатом долгой эволюции, и достичь

его можно было только силой.

В Англии, в Нидерландах, во Франции, начиная с 16 века, экономическое и политическое насилие экспроприировало ремесленников и крестьян, репрессировало нищих и бродяг, навязывало беднякам наемный труд. В 20 веке, между 1930 и 1950 гг., Россия должна была принять трудовое законодательство, включавшее высшую меру наказания, чтобы организовать переход миллионов крестьян к индустриальному наемному труду за несколько десятилетий. Для нас вполне привычно, что у человека нет ничего, кроме его рабочей силы, что для того, чтобы жить, он должен продавать ее предприятию, что все является товаром, что социальные отношения вращаются вокруг обмена, но в действительности это – итог длительного и насильственного процесса.

Посредством своей образовательной системы и своей идеологической и политической жизни, современное общество прячет прошлое и нынешнее насилие, на котором держится такое положение дел. Оно прячет свое происхождение и механизм, позволяющий ему функционировать. Все кажется результатом свободного договора между индивидом, продавцом рабочей силы, и фабрикой, цехом или офисом. Существование товара кажется очевидным и естественным явлением. И все же, оно периодически вызывает большие и малые катастрофы: товары уничтожаются ради сохранения их стоимости, существующие мощности не используются, а элементарные потребности при этом не удовлетворяются. Два столпа современного общества – обмен и наемный труд – являются источником периодических и постоянных кризисов, и вместе с тем они создают условия, при которых другое общество становится возможным. Они толкают большую часть современного мира на бунт против них и на реализацию этой возможности: коммунизма.

По определению, любая человеческая деятельность

социальна. Человеческая жизнь протекает только в группах, в различных формах объединений. Воспроизводство условий жизни с самого начала было коллективной деятельностью: как воспроизводство самих людей, так и воспроизводство средств существования. Отличительной чертой человечества является его способность производить и воспроизводить материальные условия своего существования. Некоторые животные используют орудия труда, но только человек производит свои орудия труда. Удовлетворение потребностей человека опосредуется производством, трудом, который постоянно модифицируется и преобразовывает окружающую среду. Другие формы жизни – пчелы, например – сами создают свои материальные условия, однако, насколько известно науке, их эволюция стоит на месте. Труд же является постоянно изменяющимся подчинением и освоением окружающей среды человеком. Отношения человека и “природы” – это в тоже время и отношения между людьми; и они в той же мере определяются производственными отношениями, что и идеи и способы познания мира.

Изменению деятельности соответствует изменение социального контекста, в котором она происходит. Производственные отношения, в которые вступают люди, не зависят от их воли: каждое поколение имеет дело с техническими и социальными условиями, оставшимися от предыдущих поколений. Но их воля может изменить эти условия, в тех пределах, которые допускает уровень материальных производительных сил. То, что люди называют “историей”, ни к чему не стремится: историю творят люди, но только в той степени, в которой позволяют данные им возможности. Это не значит, что за каждым важным изменением в производительных силах немедленно и автоматически следует соответствующее изменение в производственных отношениях. Если бы это было правдой, не было бы революций. Новое общество,

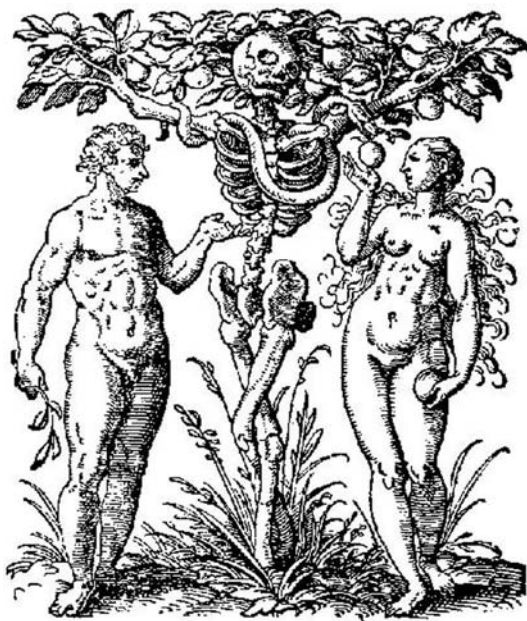

порождаемое старым, может проявиться и одержать победу только путем революции, путем уничтожения всех политических и идеологических структур, которые до определенного момента позволяли выживать устаревшим производственным отношениям.

Наемный труд когда-то был формой развития, но больше он ей не является; теперь он стал лишь препятствием или даже угрозой самому существованию человечества.

Что мы должны осветить, за исключением материальных объектов, станков, фабрик, трудящихся, которые там каждый день работают, вещей, которые они производят, так это общественные отношения, управляющие ими, а также возможную и необходимую эволюцию этих отношений.

Б. КОММУНА И ЕЕ УНИЧТОЖЕНИЕ

Сначала человечество жило в относительно автономных и обособленных группах, в семьях (в самом широком смысле: семья, объединяющая всех людей одной крови), в племенах. Производство состояло в основном в охоте, рыболовстве и собирательстве. Продукты производились не для потребления после обмена, после их выставления на рынке. Производство было непосредственно общественным, оно не опосредовалось обменом. Коммуна распространяла то, что производила, в соответствии с простыми правилами, и все получали напрямую все, что она им давала. Не было индивидуального производства, т.е. разделений между индивидами, воссоединяющимися только после производства через промежуточное звено, обмен, через сравнение различных товаров, произведенных обособленно.

Решения по своей деятельности принимали (их диктовала группе необходимость) и осуществляли все вместе, и ее плоды делили между собой поровну.

Многие “примитивные” общины могли накапливать излишки и ни о чем не беспокоиться. Как отмечал М. Салинс, эпоха “недостатка” на самом деле не редко характеризовалась изобилием, с множеством свободного времени – хотя их “время” имеет слабое отношения к нашему “времени”. Исследователи и антропологи отмечают, что поиск пищи и ее складирование занимали достаточно небольшую часть дня. “Производственная” деятельность была частью глобального отношения к группе и ее окружающей среде.

Большинство человечества, как мы знаем, перешло от охоты-собираательства к сельскому хозяйству и начало вырабатывать излишки, которыми общины начали обмениваться.

Этот кругооборот продуктов мог быть достигнут только посредством обмена, т.е. через принятие в расчет не в уме, а на практике того, что является общим для всех товаров. Продукты человеческой деятельности обладают только одной общей чертой: они являются результатом определенного количества энергии, как индивидуальной, так и социальной. Благодаря этому абстрактному характеру труд не только производит полезные вещи, но также поглощает энергию, социальную энергию. Стоимость продукта, независимо от его пользы, – это количество содержащегося в нем абстрактного труда, т.е. количество социальной энергии, необходимой для его производства. Так как это количество можно измерить только временем, то стоимость продукта является временем, общественно необходимым для его производства, а точнее – средним временем для данного общества в данный момент его истории.

С ростом своих потребностей и возможностей, коммуна начинает производить не только продукты потребления, но также товары – продукты, обладающие как потребительской, так и меновой стоимостью. Вначале появляется торговля между общинами, затем она проникает внутрь их, порождая специализированную деятельность, ремесла, социальное разделение труда. Сама сущность труда меняется. В условиях обмена труд становится двойным трудом, производящим и потребительскую и меновую стоимость. Труд больше не интегрирован в тотальность общественной деятельности, он становится специализированной сферой, отделенной от остальной жизни человека. То, что индивид делает для себя и для группы, – это не то, что он делает для обмена на товары других общин. Производство товаров вовне подразумевает самопожертвование, ограничения, трату времени. Общество становится дифференцированным, оно разделяется на разные социальные группы, занятые в различных отраслях. Кроме того общество разделяется на трудящихся и нетрудящихся. На этой стадии коммуна перестает существовать.

Коммуне нужны отношения обмена для развития и удовлетворения своих растущих нужд. Но отношения обмена уничтожают коммуноу. Благодаря им люди начинают рассматривать друг друга и самих себя только в качестве поставщиков товаров. Использование продукта, который я произвожу, меня больше не интересует; я заинтересован только в использовании того продукта, который я получу в обмен. Но для человека, который продает его мне, польза продукта не имеет значения, потому что он заинтересован только в потребительской стоимости, которую произвожу я. То, что является потребительской стоимостью для одного есть лишь меновая стоимость для другого, и наоборот. Община исчезла в тот день, когда у ее (бывших) членов остался интерес

друг другу только в той мере, в какой они были материально заинтересованы друг в друге. Не то, чтобы альтруизм был движущей силой примитивной коммуны или должен быть движущей силой коммунизма. Просто в одном случае движение интересов объединяет индивидов и заставляет их действовать сообща, а в другом оно индивидуализирует их и вынуждает бороться друг с другом. С рождением обмена в общине, труд перестал быть реализацией потребностей и стал лишь средством получения удовлетворения своих потребностей от других.

Община, развивая обмен, вместе с тем пыталась и сдерживать его. Она пыталась контролировать или уничтожать излишки и устанавливала строгие правила обращения товаров. Но обмен в конце концов одержал триумф. Там, где ему это не удалось, общество перестало развиваться и было раздавлено вторжением торгового общества.

Когда продукты не производятся отдельно, когда не существует разделения труда, нельзя сравнить стоимость двух товаров, поскольку их производят и распределяют сообща. Момент обмена, когда измеряется рабочее время производства обоих товаров и затем происходит сам обмен, еще не существует. Абстрактный характер труда появляется, только когда этого требуют общественные отношения. Такие условия возникают с началом технического прогресса, когда для развития производительных сил становится необходимо, чтобы люди специализировались в своем деле и обменивались своей продукцией друг с другом, а также с другими общинами, превратившимися теперь в государства. С этими двумя предпосылками стоимость, среднее рабочее время, становится инструментом измерения. В корне этого явления лежат практические отношения между людьми с развитием их реальных потребностей.

Стоимость появляется не из-за того, что это удобное средство измерения. Когда общественные отношения в примитивной коммуне сменяются сложными и более многогранными отношениями, стоимость становится незаменимым посредником в человеческой деятельности. Неудивительно, что среднее общественно необходимое рабочее время следует использовать в качестве нормы измерения, поскольку на данной стадии труд является основным элементом в производстве богатств и это единственный элемент, присущий всем видам деятельности – все они требуют определенного количества человеческой рабочей силы, независимо от способа приложения этой силы. В соответствии с абстрактным характером труда, стоимость представляет собой его абстракцию, его общий и социальный характер, не учитывающий конкретных различий между предметами, создаваемых трудом.

В. ТОВАР

Экономический и общественный прогресс улучшает эффективность человеческой организации и ее способность связывать компоненты трудового процесса – в первую очередь, рабочую силу. Затем появляются различия (и противостояние) между трудящимися и нетрудящимися, между организаторами и исполнителями. Первые города и великие ирригационные проекты появились в результате этого роста производственной эффективности. Торговля становится обособленным видом деятельности: появляются люди, зарабатывающие на жизнь не производством, а посредничеством между различными сферами деятельности отдельных производственных единиц. Большая часть производимой продукции становится товарами. Для реализации их потребительской стоимости, т.е. способности удовлетворять потребности, их необходимо купить, они должны возмещать свою меновую стоимость. Иными словами, хотя они и существуют в качестве материальных и конкретных

предметов, с точки зрения общества их не существует. Человек не обладает правом использовать их. Этот факт показывает, что товар является не просто вещью, но в первую очередь единицей общественных отношений, управляемых определенной логикой, логикой обмена, а не удовлетворения потребностей. Потребительская стоимость теперь служит лишь основанием стоимости. Производство становится сферой оторванной от потребления; работа становится сферой оторванной от нерабочего времени. Собственность закрепляет разделения между видами деятельности, между людьми и между производственными единицами в юридической сфере. Раб является товаром для его владельца, который покупает человека, чтобы тот работал на него.

Существованию посредничества на уровне организации производства (т.е. обмена) соответствует существование посредничества на уровне народной организации: государство становится незаменимым в качестве силы, объединяющей разрозненные элементы общества в интересах правящего класса. Консолидация становится необходимой из-за уничтожения первобытного сообщества. Общество вынуждено поддерживать свое единство, создавая и лелея в себе это учреждение.

Обмен становится видимым и вполне конкретным с зарождением денег. Абстракция, стоимость, материализованная в деньгах, становится товаром и становится все более независимой, все больше отделяется от своего происхождения и от того, что она собой представляет: от потребительской стоимости, от реального продукта. По сравнению с простым обменом – количество x продукта A на количество y продукта B – деньги позволяют добиться универсальности, в которой можно приобрести все за какое-то количество абстрактного рабочего времени, кристаллизованного в деньгах. Деньги являются рабочим временем, абстрагированным от труда и полу-

чившим конкретность в устойчивой, измеримой, транспортабельной форме. Деньги видимы, даже ощутимы, это проявление общего элемента во всех товарах – не в двух или нескольких товарах, но во всех возможных товарах. Деньги позволяют их владельцу управлять чужим трудом, в любое время и в любой точке земного шара. При помощи денег можно избежать ограничений времени и пространства. Изолированно тенденция к универсальной экономике проявлялась и в античные времена и средневековье, но тогда ей не удалось достичь своей цели. Только капитализм, начиная с 16 века, но главным образом в 19-м и 20-м вв., создает необходимую основу для устойчивой универсальной экономики.

Г. КАПИТАЛ

Капитал – это производственное отношение, которое устанавливает совершенно новую и крайне эффективную связь между живым и мертвым (накопленным предыдущими накоплениями) трудом. Однако, как и при зарождении обмена, подъем капитала не является результатом чьего-то решения или плана, это следствие действительных общественных отношений, ведущих к качественно новой ступени развития в некоторых западноевропейских странах в период после средневековья.

Торговцы накопили огромные суммы денег в разных формах и усовершенствовали систему банков и кредита. Стало возможным использовать эти суммы: были изобретены первые станки (текстильные) и тысячи бедняков (бывших крестьян или ремесленников), утративших свои средства производства, были вынуждены принять новое производственное отношение: наемный труд.

Предпосылки – накопленный труд в виде станков (а позже – фабрик) – были созданы. Этот мертвый труд должен был приводиться в движение живым трудом тех, кто не смог осуществить подобное накопление сырья и средств производства. До тех пор, обмен не был ни мотивом, ни регулятором производства. Простая торговля, простое товарное производство (в противоположность капиталистическому товарному производству) не могли обеспечить стабильности, устойчивости, требуемой социализацией и консолидацией мира. Это было достигнуто капиталистическим товарным производством, причем средство достижения этого заключалось в захвате производства.

Раб не продавал свою рабочую силу: его владелец сам покупал раба и заставлял его работать. При капитализме, живой труд приобретает средствами производства, которые он приводит в движение. Хотя роль капиталиста и довольно существенна, она все же вторична: *«капиталист как таковой является лишь функцией капитала»*, подлинного дирижера общественного производства. Что действительно важно, так это развитие мертвого труда живым. Инвестировать, накапливать – таковы девизы капитала (приоритетная роль тяжелой промышленности во всех т.н. социалистических странах есть ничто иное как признак развития капитализма). Однако, цель капитала не в том, чтобы накапливать потребительские стоимости. Капитал умножает фабрики, железные дороги и т.д. только для накопления стоимости. Капитал в первую очередь является совокупной стоимостью абстрактного труда, кристаллизованного в форме денег, финансового капитала, акций, облигаций и т.д., которые он стремится увеличить. Сумма x стоимости должна давать $x+$ прибыль в конце цикла. Для осуществления валоризации, стоимость приобретает рабочую силу.

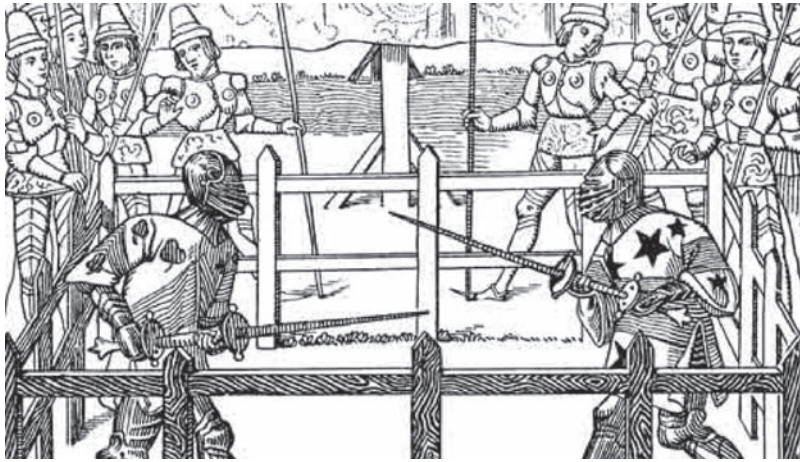
Этот товар уникален, ведь его потребление означает труд, а значит и создание новой стоимости, в то время как средства производства не производят иной стоимости кроме своей собственной. Поэтому использование рабочей силы производит дополнительную стоимость. Происхождение буржуазного богатства находится именно в этой прибавочной стоимости, в этом различии между стоимостью, создаваемой трудом наемного трудящегося, и стоимостью воспроизводства его рабочей силы. Зарплата лишь покрывает расходы на это воспроизводство (т.е. на средства к существованию работника и его семьи).

Из данного анализа легко заметить, что присвоение прибавочной стоимости капиталистом, как отдельной личностью, — это не самое главное. Коммунизм не имеет ничего общего с той идеей, что рабочие должны частично или полностью возместить себе прибавочную стоимость, по простой и очевидной причине: часть ресурсов должна быть использована для обновления оборудования, для нового производства и т.д. Дело не в том, что горстка людей забирает непропорционально большую долю прибавочной стоимости. Если этих людей уничтожить, а систему оставить неизменной, часть этой прибавочной стоимости будет отдана рабочим, а остальное будет вложено в коллективную инфраструктуру, социальное страхование и т. д. — фактически это программа всех левых, включая официальные компартии. Вообще, логика системы стоимости всегда имеет итогом развитие производства для максимальной валоризации [повышения стоимости]. Пока основой общества остается механизм, совмещающий два процесса: процесс реальной работы и процесс валоризации — стоимость господствует над обществом. Изменения, привнесенные капиталом, заключаются в завоевании производства и социализации мира, начиная с 19 века, со всеми его

промышленными предприятиями, транспортными средствами, складами и быстрой передачей информации. Но в цикле капитала удовлетворение потребностей – это лишь косвенный продукт, а не движущая сила всего механизма. Целью является валоризация: удовлетворение потребностей является в лучшем случае средством, так как все, что производится, должно быть продано.

Предприятие – это пространство и центр капиталистического производства; каждое промышленное и сельскохозяйственное предприятие действует в качестве пункта сбора стремящейся к повышению совокупной стоимости. Предприятие должно получать прибыль. Опять же, закон прибыли не имеет ничего общего с действиями нескольких «крупных» капиталистов, и коммунизм не означает избавления от нескольких толстых, курящих сигары, людей в цилиндрах с лошадиных скачек. Значение имеют не индивидуальные доходы, получаемые капиталистами, а направление движения, ограничения, наложенные на производство и на общество системой, диктующей как работать и что потреблять. Вся демагогия о богатых и бедных лишь запутывает этот вопрос. Коммунизм не означает отнятия денег у богатых и их раздачи бедным.

Д. КОНКУРЕНЦИЯ

Конкуренция происходит между различными предприятиями: все борются друг против друга на рынке, каждый стремится получить монополию на рынке. Мы продемонстрировали, как различные аспекты человеческой деятельности отделяются друг от друга. Отношения обмена увеличивают разделение общества по профессиям, которое, в свою очередь, помогает развитию товарной системы. Однако, как это можно видеть до сих пор, даже в развитых странах, в сельской местности к примеру, не существует реальной конкуренции между различными видами деятельности, отчужденными друг от друга, но стабильно разделенными между булочником, сапожником и т. д. Капитализм – это не только разделение общества на различные профессии, но прежде всего перманентная борьба между различными игроками одной отрасли. Любая совокупная стоимость существует только в отношении с другими. То, что идеология называет эгоизмом и борьбой всех против всех, есть незаменимый элемент того мира, в котором человеку приходится бороться за возможность

продавать. Поэтому экономическое насилие и, как следствие, вооруженное насилие являются интегральными частями капиталистической системы.

Конкуренция обладала положительными эффектами в прошлом: она порвала с ограниченностью феодальных устоев и корпоративными ограничениями, позволив капиталу заполнить собой мир. Теперь она стала источником разорения, ведущим либо к развитию бесполезных или разрушительных производств, валоризация которых протекает быстрее, либо к затормаживанию важного производства, если спрос не сходится с предложением.

Конкуренция является разделением производственных систем на автономные центры, конкурирующие полюса (punkte), каждый из которых стремится к росту своей совокупной стоимости. Ни «организация», ни «планирование», ни любой другой вид контроля не сможет покончить с ней. Государственная власть и «народная власть» также не способны решить эту проблему. Движущей силой конкуренции является не свобода индивида и даже не свобода капиталиста, а свобода капитала. Капитал может жить, только пожирая себя. Форма уничтожает свое содержание, чтобы выжить как форма. Капитал уничтожает свои материальные компоненты (живой и мертвый труд) для того, чтобы выжить в качестве самоповышающейся совокупной стоимости.

Все конкурирующие капиталы обладают определенной нормой прибыли, и капиталы движутся от одной отрасли к другой в поисках наивысшей возможной нормы прибыли. Они движутся к самой прибыльной отрасли, игнорируя остальные. Когда определенная отрасль перенасыщена капиталом, ее прибыльность уменьшается, и капиталы движутся к другой отрасли (установление монополии видоизменяет эту динамику, но не отменяет). Итогом

этого постоянного процесса становится стабилизация нормы прибыли по отношению к среднему доходу в данном обществе в определенный момент. Любой капитал стремится к отдаче на инвестиции в соответствии со средней общественной нормой прибыли, а несреализуемой нормой прибыли на своем предприятии. Поэтому не отдельный капитал эксплуатирует своих работников, а весь капитал эксплуатирует весь рабочий класс. В движении капиталов, капитал действует и проявляет себя в качестве социальной силы, господствующей над всем обществом, добиваясь таким образом целостности несмотря на конкуренцию, противопоставляющую его самому себе. Капитал унифицируется и становится социальной силой. Это относительно однородная тотальность, противостоящая пролетариату и другим капиталистическим (национальным) элементам. Капитал организывает отношения и потребности всего общества в соответствии со своими интересами. Этот механизм существует во всех странах: капитал основывает государство и нацию против других национальных капиталов и против пролетариата. Противостояние капиталистических государств превращает войну в крайнее средство разрешения проблем конкуренции между национальными капиталами.

Ничего не меняется пока производственные единицы стремятся к увеличению своей стоимости. Что происходит, когда государство (“демократическое”, “рабочее”, “пролетарское” и т. д.) берет все предприятия под свой контроль, сохраняя их в качестве предприятий? Либо государственные предприятия подчиняются закону прибыли и стоимости, и ничего не меняется, либо они ему не подчиняются, не уничтожая его, и тогда все идет наперекосяк.

Внутри предприятия организация рациональна: капитал навязывает рабочим свой деспотизм. Вне его,

на рынке, порядок существует только в качестве постоянного и периодического подавления беспорядков, сопровождаемых кризисами и разрушениями. Только коммунизм может уничтожить этот организованный хаос, уничтожая предприятие, как отдельную единицу.

Е. КРИЗИС

С одной стороны, капитал социализировал мир — все производство является результатом деятельности всего человечества. С другой стороны, мир остается разделенным на конкурирующие предприятия, которые пытаются производить то, что выгодно, и производят, чтобы продать настолько много, насколько возможно. Каждое предприятие стремится валоризировать свой капитал в наилучших возможных условиях. Каждое из них стремится производить больше, чем способен принять рынок, стремится продать всю свою продукцию и надеется, что только конкуренты пострадают от перепроизводства.

В результате происходит развитие деятельности, посвященной увеличению продаж. Количество непроизводительных работников, занятых ручным и интеллектуальным трудом в обращении стоимости, растет по отношению к работникам, производящим стоимость ручным и интеллектуальным трудом. Обращение стоимости — это не физическое перемещение товаров. Транспортная индустрия производит реальную стоимость, поскольку простой факт перемещения товаров из одного места

в другое повышает их стоимость, ведь изменяется их потребительская стоимость: товары становятся доступны в других местах, что, несомненно, увеличивает их полезность. Обращение относится к стоимости, а не к физическому перемещению. Предмет в действительности не перемещается, к примеру, если его собственник меняется пока он остается на том же складе. В ходе этой операции его купили и продали, но его потребительская стоимость не изменилась, не увеличилась. В случае с транспортировкой дело обстоит иначе.

Проблемы, вызываемые куплей и продажей, реализацией стоимости продукта на рынке, создают сложный механизм, включающий кредит, банки, страхование и рекламу. Капитал становится чем-то вроде паразита, поглощая все больше ресурсов общества на управление стоимостью. Учет, являющийся необходимой функцией любой развитой социальной организации, стал теперь разрушительной бюрократической машиной, подавляющей общество и реальные потребности вместо того, чтобы помогать их удовлетворению. В то же время, капитал все больше концентрируется и централизуется: монополия частично сокращает проблемы перепроизводства, но в конечном счете только отягчает их. Капитал может выйти из этой ситуации благодаря периодическим кризисам, которые временно разрешают проблему, внося поправки в предложение и спрос (точнее, платежеспособный спрос, т.к. капитализм знает только один способ распределения продуктов – купля и продажа; его не заботит, если не удовлетворяется реальный спрос (потребности); на самом деле, капитал вырабатывает недопроизводство по отношению к реальным потребностям, которые он не удовлетворяет).

Капиталистические кризисы – это не просто товарные кризисы. Это кризисы, привязывающие производство к стоимости таким образом, что стоимость управляет

производством. Это легко понять, если сравнить их с каким-нибудь докапиталистическим кризисом, до 19 века. Уменьшение сельскохозяйственного производства происходило из-за плохих урожаев. Крестьяне покупали меньше промышленных товаров, таких как одежда, и промышленность, будучи еще очень слабой, попадала в затруднительное положение. Эти кризисы основывались на естественном (климатическом) явлении. Но торговцы спекулировали на зерне и держали его на складах, чтобы взвинтить цены. Неизбежно повсюду вспыхивал голод. Само существование товаров и денег является условием для кризисов: происходит разделение (материализованное во времени) между двумя операциями – куплей и продажей. С точки зрения торговца и денег, стремящихся к увеличению своей суммы, купля и продажа зерна являются двумя различными операциями – период времени между ними определяется только суммой и нормой ожидаемой прибыли. В период, разделяющий производство и потребление, умирали люди. Но в данном случае торговая система действовала только как дополнительный фактор, усиливающий кризис, вызванный естественными факторами. В подобных случаях, социальный контекст является докапиталистическим, или контекстом слабого капитализма, как в странах вроде нынешних Китая и России, где плохие урожаи все еще оказывают сильное воздействие на экономику.

Капиталистический кризис, наоборот, является продуктом вынужденного союза стоимости и производства. Взять автомобилестроителя. Конкуренция вынуждает его повышать производительность и получать максимальную выгоду через минимальные вложения. Кризис возникает, когда накопление происходит без достаточного уменьшения производственных издержек. Тысячи автомобилей могут сходиться с конвейера каждый день, и даже находить покупателя, но их производство и

продажа недостаточно валоризирует этот капитал по сравнению с другими. Поэтому компания рационализирует производство, делает больше инвестиций, увеличивает потерю прибыли с увеличением количества продаваемых машин, обращается к кредиту, слияниям, правительственному вмешательству и т. д., то есть производит так, как будто спрос должен увеличиваться вечно, и теряет поэтому все больше и больше. Причина кризисов лежит не в истощении рынков, не в излишне щедрых увеличениях зарплаты, а в падении прибыли (в которое делает свой вклад борьба рабочих): в качестве совокупной стоимости, капиталу становится все труднее валоризировать себя по отношению к средней норме прибыли.

Кризисы демонстрируют не только то, как связь между потребительской и меновой стоимостью, между полезностью и обменной способностью продукта, распадается на мелкие осколки. Они не только доказывают, что логика этого мира заключается в потребности увеличения совокупной стоимости, а не в удовлетворении потребностей людей и не в обогащении капиталистов, как говорят вульгарные критики капитализма. Важно их отличие от докапиталистических кризисов. Те кризисы были неизбежны, торговые отношения лишь усиливали их. Современные кризисы демонстрируют, что у них нет неизбежного рационального основания. Их причины не природного характера, а социального. Имеются все факторы производства: сырье, оборудование, рабочие – но они не используются или используются лишь частично. Это не просто предметы, материальные объекты, но общественные отношения. Как таковые они существуют в этом обществе, только если их объединяет стоимость. Это вовсе не чисто “промышленное” явление; оно происходит не из технических требований производства. Это общественное отношение, посредством которого

весь производственный комплекс и фактически вся общественная структура (поскольку производство захватило общество) управляется меркантильной логикой. Единственной целью коммунизма является уничтожение этого товарного отношения, с последующей реорганизацией и преобразованием всего общества (см. ниже).

Сеть предприятий – как центров и инструментов стоимости – приобретает власть над обществом. Любые человеческие потребности (жилье, питание, “культура”) существуют только как подчиненные этой системе и сформированные по ее канонам. Не производство определяется потребностями, а потребности определяются производством – ради валоризации. Офисы строятся быстрее, чем требующиеся жилые дома. И многие дома и тысячи квартир пустуют в течение 10 месяцев из 12, потому что только владельцы или арендаторы могут занимать эти помещения. Сельское хозяйство большей частью игнорируется капиталом на мировом уровне и развивается только там, где оно повышает стоимость, в то время как сотни миллионов людей голодают. Автомобильная промышленность в развитых странах развилась сверх человеческих потребностей, потому что ее прибыльность продолжает расти вопреки всякой логике. Развивающиеся страны могут строить лишь такие заводы, которые будут выдавать среднюю ставку прибыли. Тенденция к перепроизводству требует постоянной военной экономики почти во всех развитых странах; эти разрушительные силы становятся задействованными по необходимости, поскольку войны являются еще одним средством противодействия тенденции к кризису.

Наемный труд сам по себе является абсурдным уже несколько десятилетий. Он вынуждает какую-то часть работников заниматься изматывающим фабричным трудом; другая часть, очень многочисленная в таких стра-

нах как США, работает в непроизводительном секторе; функция этого сектора заключается в продвижении продаж и в интеграции работников, выброшенных механизацией и автоматизацией, а следовательно и обеспечение массы потребителей и участие в «управления кризисом». Капитал завладевает всей наукой и техникой: в производственной сфере, он направляет исследования на изучение областей, где будут максимальные прибыли; в непроизводительной сфере, он развивает менеджмент и маркетинг. Таким образом человечество разделяется на три группы:

- § производительные работники, зачастую физически уничтожаемые своей работой;
- § непроизводительные работники, большая часть которых является лишь статьей расходов;
- § и масса бездоходного населения, отчасти в развитых, но в основном в бедных странах: капитал не может их никак интегрировать и сотни тысяч этих людей периодически гибнут в войнах напрямую или косвенно вызванных капиталистически-империалистической организацией мировой экономики.

Развитие некоторых отсталых стран, таких как Бразилия, вполне реально, но может быть достигнуто только путем частичного или полного уничтожения прошлого образа жизни. Введение товарной экономики отнимает у бедных крестьян их средства существования и бросает их в нищету перенаселенных городов. Лишь меньшинству населения настолько “везет”, что у них есть возможность работать на фабриках и в офисах; остальную часть населения составляют частично занятые или безработные.

Ж. ПРОЛЕТАРИАТ И РЕВОЛЮЦИЯ

Капитал создает сеть предприятий, которая существует только благодаря прибыли и только ради нее и которая защищается государствами. Одновременно с этим он создает массу людей, вынужденных выступить против самого капитала. Эта масса неоднородна, но она может добиться своего единства в коммунистической революции, хотя ее компоненты и не будут играть одну и ту же роль.

Революция является результатом реальных потребностей; она берет начало в материальных жизненных условиях, которые становятся невыносимыми. Это также относится к пролетариату, порождаемому капиталом. Большая часть мирового населения должна продавать свою рабочую силу для того, чтобы выжить, поскольку у них нет своих средств производства. Некоторые продают свою рабочую силу и при этом производительны. Другие продают ее, но не производят стоимость. Третьи не могут продать ее: капитал покупает живой труд только с целью валоризации по средней норме прибыли; поэтому

эта группа исключена из производства.

Если отождествлять пролетария с фабричным рабочим (или еще хуже: с рабочим, занятым ручным трудом), или с бедняком, то нельзя увидеть, в чем заключается подрывная сила пролетарского положения. Пролетариат – это отрицание этого общества. Это объединение не бедных, а тех, кто отчаялся, тех, у кого не осталось резервов, кому нечего терять кроме своих цепей; кто является ничем, ничем не обладает и не может освободиться без разрушения всего социального порядка. Пролетариат – это разрушение нынешнего общества, ибо это общество лишает его почти всех своих положительных аспектов. Поэтому пролетариат является также своим собственным уничтожением. Все теории (буржуазные, фашистские, сталинистские, левые или левацкие) прославляющие и воспевающие пролетариат таким, какой он есть, и утверждающие его позитивную роль в защите ценностей и обновлении общества, являются контрреволюционными. Культ пролетариата стал одним из самых эффективных и опасных орудий капитала. Большинство рабочих получают мало, и многие работают на производстве, но все же их возникновение как пролетариата происходит не из того факта, что они являются низкооплачиваемыми производителями, а из того, что они «отрезаны», отчуждены, не обладают контролем ни над своей жизнью, ни над смыслом того, чем они занимаются, чтобы заработать себе на жизнь.

Определение пролетариата имеет мало общего с социологией. Без возможности коммунизма, теории о «пролетариате» равносильны метафизике. Единственное наше обоснование заключается в том, что, где бы пролетариат автономно ни вмешивался в управление обществом, он всегда действовал как отрицание существующего положения вещей, он никогда не придавал ему положительной ценности или роли и всегда был устремлен к

чему-то большему.

Являясь производителем стоимости, способным разделиться с миром, основанным на стоимости, пролетариат включает в себя, например, безработных и домохозяек, поскольку капитализм нанимает и увольняет первых и использует труд последних, чтобы увеличить общую массу добываемой стоимости.

Буржуазия, в свою очередь, является правящим классом не потому, что она богаче всего остального населения. Принадлежность к буржуазии приносит богатства, а не наоборот. Она является правящим классом, потому что контролирует экономику – работников и технику. Собственность, строго говоря, есть лишь форма классовой власти, проявляющейся по-разному в различных вариантах капитализма.

Пролетариат – это не рабочий класс, а скорее класс, критикующий работу. Это присутствующее повсеместно разрушение старого мира, но только в потенциале; оно становится реальным только в моменты социального напряжения и бунта, когда капитал подталкивает его к тому, чтобы он стал проводником коммунизма. Пролетариат начинает подрывать общество, только когда объединяется и организовывается, не для того, чтобы стать правящим классом, как в свое время буржуазия, но для того, чтобы уничтожить классовое общество; здесь остается лишь одна социальная сила – человечество. Но вне таких конфликтных периодов, пролетариат сведен до статуса элемента капитала, колесика в механизме (и конечно именно этот аспект превозносит капитал, который преклоняется перед рабочим как перед частичкой существующей социальной системы).

Хотя и не лишённое рабочизма и трудовой этики (оборотной стороны интеллектуализма), радикальное мышление не превозносит рабочий класс и не считает ручной

труд бесконечным блаженством. Оно оставляет производительным трудящимся решающую (но не исключительную) роль, потому что их место в производстве ставит их в более выгодное положение для того, чтобы революционизировать его. Только в этом смысле “голубой воротничок” (часто в белом халате и, возможно, галстуке) сохраняет центральную роль, поскольку его/ее социальная функция позволяет ему/ей выполнять отличные от других задачи. И все же, с распространением безработицы, казуального труда, увеличения образовательного периода, постоянных курсов повышения квалификации, временных работ и работ на неполный рабочий день, вынужденного раннего выхода на пенсию и причудливой смеси велфера и подработок, где люди на время выходят из нищеты на работу, а затем снова возвращаются к нищете и заработкам на стороне, когда пособие по безработице почти равняется низкой зарплате, становится все труднее отличить работу от неработы.

Мы вполне можем вскоре вступить в фазу схожую с распадом, о котором говорилось в ранних работах Маркса. В любой период сильных исторических потрясений (1840-е гг., период после 1917 г.), пролетариат сталкивается со стиранием социальных границ (все слои рабочего и среднего классов катятся вниз по социальной лестнице) и ослаблением традиционных ценностей (культура больше не объединяет). Капитал сам лишает пролетариев условий жизни старого общества. Не хиппи и не панки, а сам капитализм указывает на фальшь рабочей этики. Собственность, семья, нация, мораль, политика приходят в упадок в глазах пролетариата.

3. ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КОММУНЫ

Примитивная коммуна слишком бедна и слаба, чтобы воспользоваться потенциалом труда. Она знает работу только в ее непосредственной форме. Труд не кристаллизуется, не сохраняется в орудиях производства; мертвый труд почти не накапливается. Когда это входит в норму, появляется необходимость в обмене: производство можно измерить только абстрактным трудом, средним рабочим временем. Рабочее время материализуется в деньгах. Отсюда эксплуатация классов другими классами, усиление последствий природных бедствий (см. выше, о докапиталистических кризисах), отсюда взлет и падение государств и империй, которые могут расти, только воюя друг против друга. Иногда отношения обмена между различными частями цивилизованного (т.е. торгового) мира подходят к концу, с гибелью нескольких империй. Подобная остановка в развитии может длиться веками, в течение

которых экономика регрессирует, приходя к экономике выживания.

В этот период у человечества нет производственного аппарата, способного сделать эксплуатацию человеческого труда бессмысленной и даже разрушительной. Роль капитализма заключается как раз в накоплении мертвого труда. Существование всего промышленного комплекса, всего постоянного капитала, доказывает, что общественный характер человеческой деятельности был наконец материализован в орудиях производства, способных если не к созданию нового рая на земле, то к максимально эффективному использованию доступных ресурсов для удовлетворения потребностей. Если этот промышленный комплекс станет основным элементом производства, тогда регулирующая роль стоимости, роль, связанная с той стадией, когда живой труд был главным производственным фактором, теряет всякий смысл; стоимость становится излишней для производства. Ее выживание теперь катастрофично. Стоимость, конкретизированная в деньгах, порождена общим характером труда, энергией (индивидуальной и социальной), производимой и поглощаемой трудом. Стоимость остается необходимым посредником, пока эта энергия не создаст единую глобальную производственную систему, после она уже становится препятствием.

Коммунизм означает конец серии посреднических операций, которые ранее были необходимыми (несмотря на нищету, которую они влекли за собой) для накопления достаточного количества прошлого труда, чтобы позволить людям обходиться без этого посредничества. Стоимость является подобным посредником: теперь уже бесполезно пользоваться внешним по отношению к социальной деятельности элементом для того, чтобы сделать ее связной и стимулировать ее. Накопленная производственная инфраструктура нуждается только

в преобразовании и развитии. Коммунизм сравнивает потребительскую стоимость разных продуктов, чтобы вынести решение, какие производства надо развивать. Он не сводит различные составляющие общественной жизни к общему знаменателю (среднее рабочее время, содержащееся в них). Коммунизм организует свою материальную жизнь на основе сопоставления и взаимодействия потребностей – что не исключает конфликтов и даже определенной формы насилия. Люди не станут ангелами: зачем им это надо?

Коммунизм – это также конец всех элементов, необходимых для унификации общества; это конец политики. Коммунизм – не демократия и не диктатура. Он конечно «демократичен», если под этим понимается ответственность каждого за всю общественную деятельность. Это произойдет не из-за воли людей управлять обществом, или благодаря демократическому принципу, но благодаря тому, что деятельность сможет быть организованной только теми, кто сам будет принимать в ней участие. Однако, в противоположность тому, что говорят демократы, это станет возможным только благодаря коммунизму, при котором все элементы жизни станут частью коммуны, когда любая отдельная деятельность и изолированное производство будут упразднены. Этого можно добиться только через уничтожение стоимости. Обмен между предприятиями отбирает у коллектива любую возможность отвечать за свою жизнь (и в первую очередь за свою материальную жизнь). Цель обмена и стоимости радикально противоположна цели людей – Дженерал Моторс, ВолМарт или АЭС никогда не будут управляться демократически. Предприятие стремится к валоризации и принимает только то руководство, что ведет его к этой цели (поэтому капиталисты являются лишь представителями капитала). Предприятие управляет своими управляющими. Уничтожение границ

предприятия, разрушение товарных отношений, заставляющих каждого человека рассматривать других и обращаться с ними как со средством заработка, являются единственным условием для самоорганизации. Проблемы управления вторичны, и было бы абсурдным желать, чтобы каждый управлял обществом по очереди. Бухгалтерская и административная деятельность станут такой же работой как все остальные, без привилегий; любой сможет принимать или не принимать в них участие.

«Демократия, как и всякая другая форма правления, есть, на мой взгляд, противоречие в себе самой, ложь, не что иное, как лицемерие. Политическая свобода есть мнимая свобода, худший вид рабства. То же и с политическим равенством; поэтому демократия, как и всякая другая форма правления, должна в конечном итоге распасться: лицемерие не может быть долговечным, скрытое в нем противоречие неизбежно выступит наружу; либо настоящее рабство, то есть неприкрытый деспотизм, либо действительная свобода и действительное равенство, то есть коммунизм». [Энгельс. Успехи движения за социальную реформу на континенте]

При коммунизме не требуется внешняя сила для объединения отдельных людей. Утопические социалисты так этого и не поняли. Почти все их воображаемые общества, несмотря на все достоинства и поразительную выдумку, требовали очень строгого планирования и квази-тоталитарной организации. Эти социалисты стремились создать связь, которую люди на практике создают каждый раз, когда объединяются в группы. Для того, чтобы избежать эксплуатации и анархии, утопические социалисты организовали социальную жизнь заранее. Другие, с анархистской точки зрения, отвергали подобный авторитаризм и хотели, чтобы общество было

постоянным созиданием. Но на самом деле проблема в другом: только конкретные социальные отношения, основанные на данном уровне развития материального производства, создают эту возможную и необходимую гармонию (включающую конфликты) среди людей. Тогда отдельная личность может удовлетворять свои потребности, но только через автоматическое участие в функционировании группы, не будучи простым инструментом группы. Коммунизму нет нужды объединять то, что было разъединено, но более таковым не является.

Это верно также на мировом и даже на вселенском уровне. Государства и нации, бывшие необходимыми для развития инструментами, теперь становятся чисто реакционными организациями, и те разделения, которые они поддерживают, являются препятствием для развития: человечество – это единственное возможное измерение.

Противостояние между физическим и интеллектуальным трудом, между природой и культурой, когда-то имело смысл. Разделение между исполнителями и организаторами работ повышало эффективность труда. Нынешний уровень развития не нуждается в нем, и это разделение не является ни чем иным, как препятствием, обнажающим абсурдность во всех аспектах профессиональной, «культурной» и учебной жизни. Коммунизм уничтожает разделение между рабочими, искалеченными физическим трудом, и работниками, которых офисы лишают самостоятельности.

Это также относится к противостоянию между человеком и природой. В былые времена человек мог социализировать мир только в борьбе против господства природы. Теперь он стал опасным для природы. Коммунизм – это примирение человека с природой.

Коммунизм – это конец экономики как обособленной

и привилегированной сферы, от которой все зависят, и которую все презирают и боятся. Человек производит и воспроизводит свои условия существования: со времен распада примитивной коммуны, но в чистейшем виде при капитализме, в работе – деятельности посредством которой человек овладевает своей окружающей средой – ставшей принудительной, ставшей противоположностью отдыху, досугу, «реальной» жизни. Данный этап был исторически необходим, чтобы накопить труд, дающий возможность уничтожения этого вида рабства. С капиталом, производство (= производство для валоризации) становится повелителем мира. Это диктатура производственных отношений над обществом. Когда кто-то производит, он жертвует временем своей жизни, чтобы получать от нее удовольствие после работы; это удовольствие как правило оторвано от природы труда, являющегося лишь средством поддержания его существования. Коммунизм аннулирует производственные отношения и объединяет их с общественными. Он не знает никакой отчужденной деятельности, никакой работы, противостоящей игре. Обязанность выполнять одну и ту же работу в течение жизни, быть физическим или умственным тружеником, исчезает. Тот факт, что накопленный труд включает в себя и интегрирует всю науку и технику, создает возможность для того, чтобы исследования и работа, размышления и действия, учеба и труд стали единой деятельностью. Часть заданий смогут выполнять все, а всеобщая автоматизация в корне изменит производственную деятельность. Коммунизм не поддерживает ни игру против работы, ни безделье против труда. Эти ограниченные и частичные концепции принадлежат капиталистической действительности. Деятельность по производству/воспроизводству жизненных условий (материальных, эмоциональных, культурных и т. д.) – это и есть природа человека.

Человек коллективно создает средства своего существования и преобразовывает их. Он не может получить их от машин: в этом случае человек был бы сведен до положения ребенка, который получает игрушки, не зная откуда они к нему попадают. Их происхождение даже не существует для него: игрушки просто есть. Схожим образом, коммунизм не превращает работу в нечто вечно приятное и радостное. Человеческая жизнь – это усилие и удовольствие. Даже деятельность поэта обладает болезненными моментами. Коммунизм может лишь упразднить разделение между усилием и удовольствием, созиданием и отдыхом, работой и игрой.

И. КОММУНИЗАЦИЯ

Коммунизм — это присвоение человечеством своих собственных богатств, и он подразумевает неизбежную и полную трансформацию этих богатств. Это означает уничтожения предприятий как обособленных единиц и, следовательно, закона стоимости, но не ради обобществления прибыли, а для того, чтобы обеспечить обращение продуктов между промышленными центрами без посредничества стоимости. Это не означает, что коммунизм будет пользоваться производственной системой, оставшейся от капитализма. Проблема не в том, чтобы избавиться от «дурной» стороны капитала (валоризации) и сохранить его «хорошую» сторону (производство). Как мы видели, стоимость и логика прибыли навязывают определенный тип производства, разраба-

тывают одни отрасли и игнорируют другие, а восхваление производительности и роста – это гимн во славу капитала.

С другой стороны, чтобы революционизировать производство, уничтожить предприятия как таковые, коммунистическая революция должна воспользоваться производством. Это ключевой «рычаг», по крайней мере, на одном из этапов. Цель заключается не в том, чтобы захватить предприятия, остаться на них и управлять ими, а уйти с них, связать их друг с другом без обмена и уничтожить их как предприятия. Такое движение почти автоматически начинается с сокращения, а затем искоренения противостояния между городом и деревней и отрыва производства от другой деятельности. Сегодняшняя промышленность стеснена в своих границах, удушая при этом другие отрасли.

Капитал живет ради накопления стоимости: он фиксирует эту стоимость в форме накопленного труда, мертвого труда. Накопление и производство становятся конечными целями. Все подчинено им: капитал подкрепляет свои инвестиции человеческим трудом. В то же время, он развивает непроизводительный труд. Коммунистическая революция – это бунт против этой абсурдности. Это обратный накоплению процесс, но вместе с тем это не возвращение к навеки ушедшим формам жизни, а придание вещам правильного положения: до сих пор человека приносили в жертву инвестициям; теперь обратное стало возможно. Коммунизм противостоит как продуктивизму, так и иллюзии экологического развития в рамках существующей экономической системы. «Нулевой рост» – это все еще рост. Официальные представители экологизма никогда не выступают с критикой экономики как производства стоимости, они просто хотят сохранять контроль над феноменами, порожденными деньгами.

Коммунизм – это не продолжение капитализма в более рациональной, более эффективной, более современной и менее неравномерной и анархичной форме. Он не принимает материальную основу такой, какая она есть: он низвергает ее.

Коммунизм – это не набор мер, которые следует применить после захвата власти. Это движение уже существует, но не как способ производства (в капиталистическом обществе не может быть островка коммунизма), а как тенденция, происходящая из действительных потребностей. Коммунизм даже не знает, что такое стоимость. Суть не в том, что в один прекрасный день большое число людей начнет уничтожать стоимость и прибыль. Все революционные движения прошлого способны были остановить общество и ждали, как нечто родится из этого всеобщего простоя. Коммунизация, напротив, будет распространять продукты без денег, открывает ворота, отделяющие фабрики от жилых районов, закрывает другие фабрики, где трудовой процесс слишком отчуждающ для того, чтобы его можно было технически улучшить, избавится от школы, как от специфического места, отделяющего учебу от дела на 15 странных лет, снесет стены, обрекающие людей на тюремное заключение в 3-комнатных семейных квартирах – вкратце, она уничтожит все разделения.

Механизм коммунистической революции – это продукт борьбы. Развитие борьбы приводит к такому моменту, когда общество заставляет всех индивидов, у которых не осталось иных перспектив, установить новые общественные отношения. Если какой-то фронт социальной борьбы зашел в тупик, то это значит, что единственным возможным выходом может быть коммунизм, что бы ни думали об этом сами его участники. Даже когда рабочие просто выдвигают требования, они часто приходят к той точке, когда не остается другого реше-

ния кроме яростной схватки с государством и его подручными – профсоюзами. В этом случае, вооруженная борьба и восстание подразумевают применение социальной программы и использование экономики в качестве оружия (см. выше, о пролетариате). Военный аспект, каким бы он ни был важным, зависит от социального содержания борьбы. Для того чтобы сокрушить врага на военном уровне, пролетариат – какова бы ни была его сознательность – преобразует общество коммунистическим путем.

«Современная стратегия означает освобождение буржуазии и крестьянства: это военное выражение этого освобождения. У освобождения пролетариата также будет определенное военное выражение и новая специфическая военная тактика. Это ясно. Мы даже можем даже предвидеть эту стратегию, исходя из материальных условий пролетариата». [Энгельс. Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции]

До сих пор борьба не достигала той стадии, на которой ее военное развитие сделало бы обязательным появление нового общества. В самых важных общественных конфликтах, в Германии между 1919 и 1921 гг., пролетариат, несмотря на насильственный характер гражданской войны, не достигал этой стадии. И все же под этими столкновениями, скрывалась коммунистическая перспектива, без нее эти события не имели бы смысла. Буржуазия была способна использовать орудие экономики в своих собственных интересах, например, разделяя рабочий класс при помощи безработицы. Пролетариат был неспособен использовать экономику в своих собственных целях и боролся в основном военными средствами; он даже создал Красную армию в Руре в 1920 г., но никогда не использовал то орудие, которое ему предоставляет его социальная функция.

В другом контексте, некоторые бунты в США стали началом социальных преобразований, но только на уровне товара, а не самого капитала. Эти люди были из одного сектора пролетариата (безработные/частично занятые) и часто у них не было возможностей использовать «рычаг» производства, потому что они были исключены из него. Они действовали вне заводов. В тоже время, коммунистическая революция подразумевает действие, которое отталкивается от предприятия, чтобы уничтожить его как таковое. Бунты в США оставались на уровне потребления и распределения. Коммунизм не может развиваться, не атакуя центр системы, в котором создается прибавочная стоимость, т.е. материальное производство. Но он использует этот рычаг, только чтобы уничтожить его.

Революцию совершают безрезервные: они вынуждены устанавливать социальные отношения, выходящие за рамки существующего общества. Этот разрыв возможен только в кризисных условиях, который может сильно отличаться от кризиса 1929 г., когда значительная часть экономики полностью остановилась. Если различные группы, бунтующие против наемного труда, объединяются, то это значит, что общество находится в таком положении, когда оно уже не может изолировать разные очаги борьбы. Коммунистическая революция не является ни суммой сегодняшних движений, ни их преобразованием через вмешательство «авангарда». Социальный взрыв может начаться только на мировом уровне, по меньшей мере – в нескольких ведущих странах.

Основной вопрос заключается не в захвате власти рабочими. Нелепо выступать за диктатуру рабочего класса, каким он является на данный момент. Рабочие, какие они есть сейчас, не способны управлять ничем: они являются лишь частью механизма повышения стоимости и подчинены диктатуре капитала. Диктатура су-

ществующего рабочего класса не может быть ничем, кроме диктатуры его представителей, т.е. профсоюзных лидеров и рабочих партий. Таково положение дел в «социалистических» странах, но тоже касается и программы демократической левой в любой стране мира.

Революция имеет свою организацию, но революция – это не проблема организации. Все теории о «рабочем правительстве» или о «власти рабочих» предлагают лишь альтернативные решения для кризиса капитала. Революция есть в первую очередь преобразование общества, т.е. того, что составляет отношения людей друг с другом и с их средствами жизни. Организационные проблемы и «лидеры» имеют вторичное значение: они зависят от достижений революции. Это относится как к началу коммунистической революции, так и к функционированию общества, которое появится после нее. Революция не начнется в тот день, когда 51% рабочих станут революционерами; она также не начнется благодаря установлению определенного аппарата принятия решений. Это капитализм постоянно озабочен вопросами управления и лидерства. Организационная форма коммунистической революции, как и любого другого социального движения, зависит от ее содержания. То, как учреждается и действует партия – организация революции – зависит от решаемых задач.

В 19-м веке и даже во время первой мировой войны, материальные условия для коммунизма все еще предстояло создать, по крайней мере, в некоторых странах (Франция, Италия, Россия и т.д.). Коммунистической революции в первую очередь пришлось бы развить производительные силы, заставить работать мелкую буржуазию, сделать промышленный труд всеобщим, с правилом: кто не работает, тот не ест (конечно, это относилось бы к работоспособной части населения). Но революция не наступила, и ее немецкий бастион был со-

крушен. С тех пор ее задачи выполнил рост капиталистической экономики. Теперь существует материальная база для коммунизма. Нет больше надобности посылать непроизводительных трудящихся на заводы; теперь нам предстоит создать базу для новой «промышленности», абсолютно отличной от нынешней. Придется закрыть многие предприятия, принудительный труд теперь не подлежит обсуждению: мы упраздним работу как деятельность, обособленную от остальной жизни. Было бы бессмысленным отменять уборку мусора как работу, которую некоторым приходится выполнять годами, если весь процесс и логика создания мусора и избавления от него останутся неизменными.

Отсталым странам – если использовать эту устаревшую и неадекватную категорию – не придется проходить через индустриализацию. Во многих частях Азии, Африки и Латинской Америки, капитал угнетает труд, но не подчинил его «реальному» господству. Старые формы общественной коммунальной жизни все еще существуют. Коммунизм регенерирует их – как это представлял Маркс в отношении русской крестьянской общины – с помощью «западной» технологии, применяемой иным способом. Во многих отношениях, эти территории будет легче коммунизировать, чем огромные «цивилизованные» мегаполисы, приспособленные к автомобилям и подсевшие на экранное изображение. Иными словами, коммунизм – это всемирный процесс обратный накоплению.

К. ГОСУДАРСТВА И КАК ОТ НИХ ИЗБАВИТЬСЯ

Государство было порождено неспособностью людей управлять своими жизнями. Это единство – символическое и материальное – разъединенного. Как только пролетарии завладеют своими средствами существования, это опосредование начнет терять свою функцию, но его уничтожение – это не автоматический процесс. Оно не исчезнет постепенно, по мере расширения нетоварной сферы. На самом деле, такая сфера будет хрупкой, если оставит в действии центральную правительственную машину, как это было в Испании 1936-37 гг. Ни одна государственная структура не исчезнет сама по себе.

Поэтому коммунизация это не просто наслаивание обрывочных прямых действий. Капитал будет обрушен общей подрывной деятельностью, через которую люди возьмут свою жизнь в свои руки. Но ничего решительного не будет достигнуто, пока у государства будет сохраняться хоть какая-то власть. Общество это не просто капиллярная сеть: отношения централизованы в

силе, концентрирующей в себе консервативную власть. Капитализм был бы очень рад, если бы мы изменяли нашу жизнь на локальном уровне, пока он продолжает жить на глобальном. Как централизованная сила, государство должно быть уничтожено централизованным действием, а власть должна быть уничтожена повсюду. Коммунистическое движение не аполитично, а антиполитично.

Мы отвергаем политику; мы противопоставляем политической революции революцию социальную: первая видоизменяет связи между индивидами и группами без особых изменений в содержании их деятельности, вторая же воздействует на воспроизводство их средств существования, на их образ жизни, на действительные условия, и тем самым преобразовывает отношение людей друг к другу.

Один из первых бунтарских жестов – это восстание против контроля за нашими жизнями сверху, со стороны учителя, начальника, полицейского, социального работника, профлидера, госчиновника... Затем появляется политика и сокращает желания и чаяния до проблемы власти – вручить ли ее партии, или ей должны обладать все. Только политическое мышление представляет революцию как в первую очередь захват и/или перераспределение власти.

А. КОММУНИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Коммунизм — это не только общественная система, способ производства, который будет существовать в будущем, после «революции». Эта революция фактически является встречей двух миров:

1) с одной стороны, мира всех отверженных, всех исключенных от подлинных удовольствий, само существование которых находится под угрозой, тех, кто вопреки всему объединяются друг с другом, вместе действуют, живут, выживают;

2) с другой стороны, всемирной социализированной экономики, объединенной на техническом уровне, но разделенной на отдельные единицы, вынужденные противостоять друг другу для того, чтобы следовать логике стоимости, объединяющей их и уничтожающей все на своем пути, чтобы выжить.

Мир товаров и стоимости, который в нынешней системе производственных сил, приводится в движение своей собственной жизнью; он развился в автономную силу и подчинил мир реальных потребностей своим законам. Коммунистическая революция – это уничтожение этого подчинения. Коммунизм – это борьба против этого подчинения, и он противостоял ему с первых дней капитализма и даже до этого, даже без каких-либо шансов на успех.

Сначала человек придавал своим идеям, своим взглядам на мир, внешнее происхождение, и мысль о человеческой природе обреталась не в общественных отношениях человека, а в его связи с элементом, внешним по отношению к реальному миру (богу), по отношению к которому человек был лишь продуктом. Схожим образом, человечество в своих попытках приспособиться к окружающему миру сначала должно было создать материальный мир, сеть производственных сил, экономику, мир предметов, которые господствуют над ним и подавляют его, до того, как оно смогло бы овладеть этим миром, приспособивая и преобразовывая его в соответствии со своими потребностями.

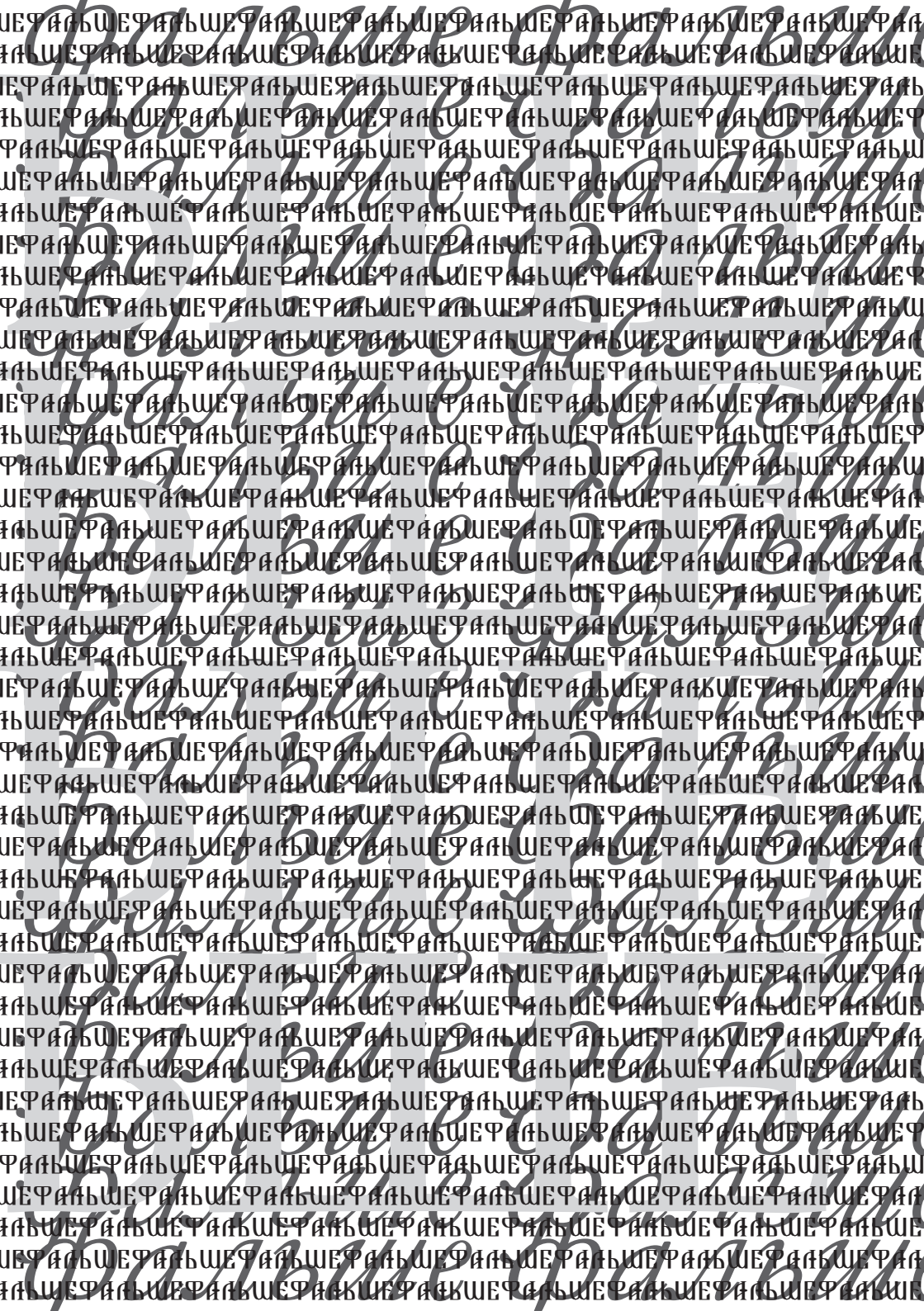
Коммунистическая революция – это продолжение и преодоление сегодняшних социальных движений. Дискуссии о коммунизме обычно начинаются с ошибочной позиции: они начинаются с вопроса о том, что люди будут делать после революции. Они никогда не связывают коммунизм с тем, что происходит в тот момент, когда происходит дискуссия. Здесь происходит полный разрыв: сначала революция, коммунизм потом. На деле, коммунизм вытекает из реальных потребностей, которые уже существуют, но которые никуда не ведут, которые нельзя удовлетворить, потому что нынешняя ситуация не позволяет этого. Сегодня существует много коммунистических жестов и отношений, выражающих не только

непрятие современного мира, но и попытку построить новый. Пока они не заканчиваются успехом, видны только их пределы, только тенденция, а не ее возможное продолжение (функция «экстремистских» групп заключается как раз в том, чтобы представлять эти пределы как цели движения и усиливать их). В отрицании конвейерной работы, в борьбе сквоттеров коммунистическая перспектива присутствует в качестве попытки создать «нечто большее» не на основе простого непрятия современного мира (хиппи), а через использование и преобразование того, что производится и расходуется. В таких конфликтах люди спонтанно пытаются завладеть товарами в обход логики обмена; они используют эти товары в качестве потребительских стоимостей. Их отношение к этим вещам и отношение друг другу сами по себе становятся подрывными. Даже сами люди меняются во время подобных событий. «Нечто большее», к которому устремлены подобные действия, присутствует в них только в потенциале, о чем бы ни думали и чего бы ни хотели те, кто их организует, что бы ни говорили и не делали экстремисты, принимающие в них участие и теоретизирующие о них. Такие движения должны начать осознавать себя в своих действиях, должны понять, что они делают, чтобы делать это лучше.

Те, кто уже испытывают потребность в коммунизме и обсуждают ее, не могут вмешиваться в эту борьбу с благой вестью коммунизма, не могут продвигать эти ограниченные действия к «подлинной» коммунистической деятельности. Нужны не лозунги, а объяснение контекста и механизма этой борьбы. Надо лишь показать, что люди будут сами вынуждены сделать.

КОММУНИЗАЦИЯ БУДЕТ РАСПРОСТРАНЯТЬ ПРОДУКТЫ БЕЗ ДЕНЕГ, ОТКРОЕТ ВОРОТА, ОТДЕЛЯЮЩЕЕ ФАБРИКИ ОТ ЖИЛЫХ РАЙОНОВ, ЗАКРОЕТ ДРУГИЕ ФАБРИКИ, ГДЕ ТРУДОВОЙ ПРОЦЕСС СЛИШКОМ ОТЧУЖДАЮЩ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЕГО МОЖНО БЫЛО ТЕХНИЧЕСКИ УЛУЧШИТЬ, ИЗБАВИТСЯ ОТ ШКОЛЫ, КАК ОТ СПЕЦИФИЧЕСКОГО МЕСТА, ОТДЕЛЯЮЩЕГО УЧЕБУ ОТ ДЕЛА НА 15 СТРАННЫХ ЛЕТ, СНЕСЕТ СТЕНЫ, ОБРЕКАЮЩИЕ ЛЮДЕЙ НА ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В 3-КОМНАТНЫХ СЕМЕЙНЫХ КВАРТИРАХ – ВКРАТЦЕ, ОНА УНИЧТОЖИТ ВСЕ РАЗДЕЛЕНИЯ...

